

автор: ибрахим абу джаафар альбулянди

История ислама.

том 4..Аббасидский халифат

750 по 945 и
с 1194 по 1258 г

вплоть до наших дней
суннизм

Ибрахим Шитик
История ислама том 4

«Автор»

2026

Шитик И.

История ислама том 4 / И. Шитик — «Автор», 2026

история ислама том 4 аббасидский халифат (с 750 по 945 и с 1194 по 1258 год)

© Шитик И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Слово автора	7
Глава первая. Крушение дома Омейядов и рождение Аббасидского движения	8
1. Семена недовольства	8
2. Тайная да'ва в Хорасане	9
3. Битва при Забе и конец Омейядов	10
4. Подробности сражения при Забе	11
4. Судьба Абу Муслима и природа революции	12
Глава вторая. Абу-ль-Аббас ас-Саффах — первый халиф из дома Аббаса	13
1. «Проливающий кровь»	13
Глава третья. Аль-Мансур и основание Города Мира	14
1. Устранение соперников	14
2. Основание Багдада	15
3. Восстание Нафс аз-Закийя	16
4. Более подробно об устройстве Города Мира	17
Глава четвёртая. Аль-Махди и аль-Хади: подготовка золотого века	18
Глава пятая. Харун ар-Рашид: вершина аббасидского могущества	19
1. Человек и халиф	19
2. Семейство Бармакидов	20
4. Ночь падения Бармакидов	21
3. Держава между Востоком и Западом	22
4. Двор Харуна ар-Рашида подробнее	23
Глава шестая. Братоубийственная война аль-Амина и аль-Мамуна	24
1. Раздел, погубивший мир	24
2. Осада Багдада	25
3. Аль-Мамун — халиф-философ	26
4. Дом Мудрости и золотой век науки	27
5. Михна — испытание сотворённости Корана	28
6. Слова имама перед лицом темницы	29
6. Подробнее о переводческом движении	30
Глава седьмая. Аль-Мутасим, тюркская гвардия и Самарра	31
1. Новая опора трона	31
2. «Самаррская анархия»	32
Глава тридцать первая. Четыре несчастных халифа Самарры	33
1. Аль-Мунтасир — отцеубийца поневоле	33
2. Аль-Мустаин, аль-Мутазз и аль-Мухтади	34
Глава девятнадцатая. Восстание занджей и смута карматов	35
1. Восстание занджей	35
4. Слова предводителя восставших	36
2. Карматы и похищение Чёрного камня	37
Глава двадцать пятая. Забытые халифы: между анархией Самарры и приходом Буидов	38
1. Аль-Мутаид и краткое возрождение	38
2. Аль-Муктадир и истощение казны	39
3. Аль-Кахир, ар-Ради и рождение титула «амир аль-умара»	40

Глава восьмая. Тень над престолом: господство Буидов	41
1. Распад единства	41
2. Халиф без власти	42
Глава девятая. Приход турок-сельджуков и восстановление суннитского порядка	43
1. Тугрил-бек входит в Багдад	43
2. Низам аль-Мульк и расцвет суннитской учёности	44
Глава тридцать вторая. Век Буидов: между шиизмом эмиров и суннизмом халифов	45
1. Адуд ад-Дауля — вершина буидского могущества	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Ибрахим Шитик

История ислама том 4

بِسْمِ اللّٰهِ الرَّحْمٰنِ الرَّحِیْمِ

ИСТОРИЯ ИСЛАМА

ТОМ ЧЕТВЁРТЫЙ

Полная история Аббасидского халифата: от возвышения до падения Багдада

Составил раб Аллаха

Ибрахим Абу Джаафар аль-Буланди

да простит его Аллах и его родителей

Слово автора

Хвала Аллаху, Господу миров, Который ведёт историю народов и держит в Своей деснице судьбы царств и халифатов. Мир и благословение Пророку Мухаммаду, печати пророков, его роду, его сподвижникам и всем, кто последовал за ним с искренностью до Судного Дня.

Дорогой брат, дорогая сестра по вере. Перед тобой четвёртый том нашей общей работы — истории уммы Мухаммада, да благословит его Аллах и приветствует. Мы прошли с тобой путь от жизни Пророка, через праведных халифов, через испытание смутой, через век Омейядов с их завоеваниями и их грехами. Теперь мы стоим на пороге новой эпохи — эпохи Аббасидов, которая растянется на пять веков, эпохи, в которую ислам даст миру величайших учёных, величайших правителей и — да убережёт нас Аллах от подобного — одну из самых страшных катастроф в истории уммы.

Я не пишу как беспристрастный летописец, стоящий вне веры. Я пишу как мусульманин, для мусульман, веря, что история — это не просто перечень дат и имён, а книга знамений (аят), в которой Всевышний показывает нам, что происходит с народами, когда они держатся истины, и что происходит, когда они от неё отступают. Всевышний сказал в Своей Книге, что прежние народы гибли за свои грехи, и Он не меняет Своих законов. Аббасидский халифат — это, быть может, самый яркий урок этого закона во всей мусульманской истории: пять веков славы, знания и силы, закончившиеся падением Багдада перед войском, пришедшим с Востока. Мы дойдём до этого момента, брат мой, но дойдём честно, шаг за шагом, не забегая вперёд и не упрощая.

Прошу Аллаху, чтобы этот труд был искренним ради Его лика, чтобы он принёс пользу читающему и чтобы Всевышний простил мне все ошибки, которые я, будучи слабым рабом, неизбежно допущу. Обращайся ко мне с советом и поправкой, как брат к брату. А теперь — начнём, с именем Аллаху.

Глава первая. Крушение дома Омейядов и рождение Аббасидского движения

1. Семена недовольства

Чтобы понять, как к власти пришли Аббасиды, нужно понять, чем закончился век Омейядов. Омейядский халифат, при всех своих завоеваниях — от границ Индии до Пиренеев, — нёс в себе глубокую рану, которая не заживала с самого начала: рану Кербелы, рану убийства аль-Хусейна ибн Али, да будет доволен им Аллах, и рану того, что многие мусульмане воспринимали как превращение халифата — установления, которое должно служить религии, — в обычную арабскую монархию, царство (мульк), где власть передаётся по крови, а не по достоинству и согласию уммы.

К этому добавлялась и другая, не менее болезненная проблема — отношение к новообращённым мусульманам-неарабам, которых называли мавали. Персы, жители Хорасана, Трансоксании и других земель, принимавшие ислам целыми семьями и городами, по закону Аллаха и Его Посланника были равны арабам в вере, но на практике омейядская администрация продолжала облагать их налогами, которые полагались лишь немусульманам, и относилась к ним как к людям второго сорта. Это было прямым нарушением духа ислама, который аль-Куран и Сунна утверждают как религию, где превосходство человека — только в богобоязненности, а не в происхождении. Такая несправедливость рождала законный гнев, и этот гнев искал себе выход.

Третьим источником недовольства были сами Омейяды — не как правители в целом, ведь среди них были и достойные люди, такие как Умар ибн Абд аль-Азиз, да смилуется над ним Аллах, который в своё короткое правление отменил многие несправедливости. Но после него дела вновь пришли в упадок: роскошь двора, вино, охота, пренебрежение к учёным и благочестивым людям умножились при таких халифах, как аль-Валид II. Земля, как говорят, начала уставать от такого правления.

2. Тайная да'ва в Хорасане

В такой обстановке в отдалённом Хорасане, на восточной окраине халифата, начала распространяться тайная проповедь (да'ва), которая обещала перемены — приход к власти «человека из рода Пророка» (мин ахль аль-байт), который восстановит справедливость. Это движение опиралось на память о страданиях потомков Али и Фатимы, дочери Пророка, да будет доволен ими Аллах, но действовало оно от имени рода Аббаса ибн Абд аль-Мутталиба — дяди Пророка, да благословит его Аллах и приветствует.

Организаторами этой да'вы были потомки Аббаса, обосновавшиеся в местечке Хумайма в южной Сирии, а также сеть проповедников (нукаба и дуат), которые действовали в глубокой тайне, опасаясь омейядских соглядатаев. Дело возглавил Мухаммад ибн Али, а после его смерти — его сын Ибрахим ибн Мухаммад, известный как Ибрахим аль-Имам.

Но подлинным гением этого движения, человеком, чьё имя навсегда останется в истории уммы, был Абу Муслим аль-Хурасани. О его происхождении рассказывают по-разному — одни говорят, что он был персом, другие — что арабом смешанного происхождения; Аллаху ведомо лучше. Важно другое: этот молодой, решительный и беспощадный организатор сумел в 747 году от Р.Х. (129 году по хиджре) поднять открытое восстание в Хорасане под чёрными знамёнами — тем самым чёрным цветом, который, по преданиям, любил носить сам Пророк, да благословит его Аллах и приветствует, в некоторых сражениях, и который стал с тех пор символом всего аббасидского дела.

Войско Абу Муслима было пёстрым: в нём были персы-мавали, недовольные арабы из южных племён (йеменитов), шииты, надеявшиеся на приход имама из рода Пророка, и просто люди, уставшие от омейядской несправедливости. Это единство разных недовольных под одним знаменем и стало той силой, что смела казавшуюся несокрушимой Омейядскую державу.

3. Битва при Забе и конец Омейядов

Аббасидское войско под черными знамёнами двинулось на запад, от победы к победе. Омейядский халиф Марван II, последний из своего дома, собрал большое войско и встретил аббасидов на берегу реки Большой Заб, притока Тигра, в 750 году от Р.Х. (132 году по хиджре). Сражение было ожесточённым, но закончилось полным разгромом омейядских сил. Марван бежал в Египет, где вскоре был настигнут и убит.

После этой битвы аббасидские войска вошли в Дамаск, столицу Омейядов, и по всей державе начались жестокие расправы над домом Омейядов — многие принцы были перебиты, вплоть до того, что, по преданиям, были разорены даже их могилы. Мы обязаны здесь сказать честно и без утайки: эта жестокость не была оправдана шариатом и легла тёмным пятном на начало Аббасидской державы. Убийство пленных и осквернение могил — это деяния, которые ни один справедливый мусульманин не может одобрить, какой бы ни была прошлая несправедливость. Аллах — Судья над всеми, и каждый ответит за свои дела.

4. Подробности сражения при Забе

Стоит рассказать подробнее о самом ходе битвы при Большом Забе, ибо летописцы сохранили немало красноречивых деталей об этом решающем дне. Войском Аббасидов на поле битвы командовал Абдуллах ибн Али, дядя будущего халифа ас-Саффаха, тогда как омейядского халифа Марвана II, по свидетельству хрониста аль-Балазури, некоторые из его же военачальников накануне сражения предостерегали от прямого столкновения, советуя измотать противника мелкими стычками и растянутой обороной вместо решающей битвы — совет, которому Марван, понадеявшийся на численное превосходство собственного войска, не последовал.

Сражение, по преданию, началось с продолжительной перестрелки, после чего аббасидские воины, многие из которых, в отличие от омейядского ополчения, состояли из закалённых в боях хорасанских частей Абу Муслима, перешли в решительную атаку сомкнутым строем, используя длинные копья против омейядской конницы, — тактика, оказавшаяся неожиданно эффективной против привычных приёмов сирийского войска Омейядов. Когда ряды Марвана дрогнули и начали отступление, оно быстро превратилось в паническое бегство, а сам халиф, по свидетельству очевидцев, вынужден был бежать с поля боя одним из первых, бросив собственный обоз и знамёна, — бесславный конец для войска, ещё недавно казавшегося непобедимым.

Этот разгром, брат мой, лишний раз подтверждает нам простую, но важную истину: никакая прежняя слава и никакое количество прошлых побед не гарантируют войску победы в новом сражении, если дух воинов подорван внутренним разложением, а военачальники не проявляют должной предусмотрительности. Судьба Марвана II, столь стремительно потерявшего державу, доставшуюся его предкам после десятилетий побед, — грозное напоминание всякому правителю о зыбкости мирского могущества.

Спасся лишь один из Омейядов — юный принц Абд ар-Рахман ибн Муавия, которому чудом удалось бежать через всю Северную Африку в далёкую Андалусию, где он впоследствии основал Кордовский эмират, продолживший линию Омейядов на западе мусульманского мира ещё на много веков. Так пути Всевышнего непостижимы: держава пала на востоке, но её ветвь пустила корни на западе.

4. Судьба Абу Муслима и природа революции

Важно понимать, брат мой, что Аббасидская революция не была религиозным движением в узком смысле, хотя и использовала религиозный язык и надежды шиитов на приход алида (потомка Али). Когда в 749 году Абу-ль-Аббас, потомок Аббаса, был провозглашён халифом в мечети Куфы, многие сторонники движения, ожидавшие увидеть на престоле потомка Али и Фатимы, были глубоко разочарованы и обмануты в своих надеждах. Это разочарование посеяло семена будущего противостояния между Аббасидами и алидами (шиитами), которое будет тянуться через всю последующую историю халифата и не раз обернётся кровью.

Так закончился век Омейядов, начавшийся с великой смуты и великих завоеваний и завершившийся падением дома, который правил без малого сто лет. Всевышний забирает власть у одних и отдаёт другим — таков Его непреложный закон, о котором Он сообщил нам в Своей Книге.

Глава вторая. Абу-ль-Аббас ас-Саффах — первый халиф из дома Аббаса

1. «Проливающий кровь»

Абдуллах ибн Мухаммад, получивший титул Абу-ль-Аббас ас-Саффах, стал первым халифом новой династии в 750 году от Р.Х. Прозвище «ас-Саффах» переводится как «проливающий кровь» или, по другому толкованию, «щедрый» — и оба смысла, к сожалению, оказались пророческими для его короткого, всего четырёхлетнего, правления. Он взошёл на минбар в Куфе и произнёс проповедь, в которой объявил себя избавителем от несправедливости Омейядов и защитником рода Пророка.

Правление ас-Саффаха прошло главным образом в укреплении новой власти и уничтожении остатков омейядского сопротивления, а также в подавлении восстаний тех, кто помогал Аббасидам прийти к власти, но теперь требовал своей доли — включая некоторые шиитские и хариджитские группировки в Ираке и на востоке державы.

Столицей ас-Саффах сделал не Дамаск, символ прежней власти, а город аль-Анбар в Ираке, тем самым обозначив главный вектор новой эпохи: центр тяжести исламского мира окончательно смещался с запада, из Сирии, на восток — в Ирак и земли, некогда бывшие сердцем персидской державы Сасанидов. Это смещение имело огромные последствия: культура, администрация и даже сам дух халифата теперь будут во многом пропитаны персидским наследием — его системой управления, его придворными обычаями, его учёностью.

Ас-Саффах скончался от оспы в 754 году, оставив престол своему брату Абу Джаафару, который войдёт в историю под именем аль-Мансур — «Победоносный», и станет истинным создателем Аббасидской державы.

Глава третья. Аль-Мансур и основание Города Мира

1. Устранение соперников

Абу Джаафар аль-Мансур правил долго — двадцать один год, с 754 по 775 год, — и именно он заложил тот фундамент, на котором Аббасидская держава простоит пять столетий. Но начало его правления было отмечено делом, о котором честный историк-мусульманин не может умолчать: расправой над Абу Муслимом аль-Хурасани, тем самым человеком, чей меч привёл Аббасидов к власти.

Абу Муслим, ставший к тому времени наместником Хорасана и человеком огромного влияния и популярности, был вызван аль-Мансуром в столицу якобы для почестей, а на деле — обманом заманен и убит по приказу халифа в 755 году. Причины этого поступка объясняют по-разному: одни говорят, что аль-Мансур опасался чрезмерной власти и амбиций Абу Муслима, который, по слухам, мог сам претендовать на власть или создать собственное независимое государство на востоке; другие видят здесь обычную для царской власти боязнь сильного полководца. Как бы то ни было, брат мой, мы обязаны сказать прямо: это было вероломством и грехом, за который аль-Мансур будет отвечать перед Аллахом, как отвечает любой человек за пролитую без права кровь. История ислама не должна замалчивать грехи даже самых великих правителей — иначе в чём была бы её польза для нас?

Смерть Абу Муслима вызвала волнения в Хорасане и породила несколько мистических сект, которые почитали его чуть ли не пророком или даже божеством — явление, глубоко чуждое исламу и осуждённое всеми учёными того времени как явное заблуждение (гулувв).

2. Основание Багдада

Величайшим деянием аль-Мансура, тем, что переживёт века, стало основание новой столицы на берегах Тигра в 762 году от Р.Х. (145 году по хиджре). Место было выбрано с точным расчётом: там, где сходились торговые пути, где земля была плодородна, где река давала воду и защиту. Аль-Мансур назвал свой город Мадинат ас-Салям — «Город Мира», хотя в народе и в последующей истории он остался известен под старым персидским именем этого места — Багдад.

Город строился как идеальная крепость: круглый в плане, с тремя концентрическими стенами, с дворцом халифа и Соборной мечетью в самом центре — как сердце, вокруг которого бьётся вся остальная жизнь державы. Согласно преданиям, на строительстве были заняты сто тысяч мастеров и рабочих, собранных со всех концов халифата, и город был возведён в рекордные для той эпохи сроки — около четырёх лет.

Багдад стал не просто новой столицей — он стал символом целой эпохи. В последующие два с половиной века он превратится в крупнейший город мира, средоточие торговли, ремесла, науки и веры, куда будут стекаться товары из Китая и Индии, учёные из Персии, Сирии и Египта, поэты, врачи, правоведы. Именно отсюда, из этого круглого города на Тигре, ислам явит миру свою величайшую цивилизационную мощь — и именно здесь, спустя пять веков, разыграется одна из самых горьких трагедий в истории уммы, о которой мы, с соизволения Аллаха, расскажем в своё время.

3. Восстание Нафс аз-Закийя

Правление аль-Мансура не обошлось без внутренних потрясений: в 762 году, в том же году, когда закладывался Багдад, вспыхнуло восстание Мухаммада ибн Абдуллаха, потомка аль-Хасана, внука Пророка, да будет доволен им Аллах, известного как ан-Нафс аз-Закийя — «Чистая душа». Многие некогда считали, что именно он — тот самый обещанный да'вой Аббасидов «человек из рода Пророка», и его притязания находили широкий отклик среди тех, кто разочаровался в Аббасидах.

Восстание было подавлено, ан-Нафс аз-Закийя погиб в бою в Медине, а вскоре было подавлено и восстание его брата Ибрахима в Басре. Эти события окончательно закрепили раскол между Аббасидами и алидами (потомками Али) — раскол, который останется незаживающей раной в теле уммы на многие века вперёд, питая шиитское движение и порождая новые восстания в будущем.

Аль-Мансур, при всех тяготах своего правления и грехах, которые мы не вправе скрывать, создал прочную административную систему, привлёк ко двору персидских чиновников из рода Бармакидов, которые ещё сыграют большую роль в истории халифата, и оставил своему сыну аль-Махди крепкую, устроенную державу.

4. Более подробно об устройстве Города Мира

Стоит, брат мой, задержаться подробнее на устройстве самого круглого города аль-Мансура, ибо его планировка была не просто прихотью зодчих, а глубоко продуманной системой обороны и порядка. Городские стены были обращены четырьмя воротами точно по сторонам света — Куфийские ворота на юго-западе, ведущие к Куфе и далее к святым городам Хиджаза; Басрийские ворота на юго-востоке, открывавшие путь к порту Басры и далее к морской торговле с Индией; Хорасанские ворота на северо-востоке, откуда начиналась дорога к Хорасану и далее в Центральную Азию, землю, из которой некогда пришло само Аббасидское движение; и Сирийские ворота на северо-западе, ведущие к Дамаску и Средиземноморью.

Между внешней и внутренней стеной располагались жилые кварталы придворных, чиновников и военачальников, каждому из которых отводился собственный, тщательно распределённый участок в соответствии с его положением при дворе, — сама эта планировка отражала строгую иерархию аббасидского двора. В самом же центре города, за третьей, внутренней стеной, находилась просторная площадь, на которой возвышались дворец халифа, называемый Баб аз-Захаб («Золотые ворота») за позолоченный купол над его главным залом, и примыкавшая к нему Соборная мечеть — так что халиф в буквальном смысле восседал в самом сердце своей столицы, отделённый от простого народа несколькими кольцами стен и стражи.

Помимо самого круглого города, вскоре разросся и обширный посад за его пределами, где селились ремесленники, торговцы и простой люд, привлечённые в новую столицу перспективами заработка и покровительством халифского двора; уже спустя несколько десятилетий после основания Багдад далеко перерос первоначальные пределы круглого города аль-Мансура, охватив собой оба берега Тигра и став тем огромным мегаполисом, о котором с восхищением писали путешественники и географы последующих столетий.

Сообщается также, что при закладке города аль-Мансур советовался с астрологами и учёными людьми о наиболее благоприятном расположении звёзд для начала строительства — обычай, унаследованный от персидской придворной традиции и, по мнению некоторых более строгих богословов того и последующего времени, не вполне уместный для правителя правоверных, чья опора должна быть исключительно на волю и предопределение Аллаха, а не на гадания по звёздам. Мы приводим это предание, брат мой, не в осуждение аль-Мансура огульно, но как честное напоминание о том, что даже основатели державы порой несли на себе отпечаток обычаев прежних, доисламских цивилизаций, из земель которых происходили их советники и чиновники.

Глава четвёртая. Аль-Махди и аль-Хади: подготовка золотого века

После аль-Мансура престол в 775 году занял его сын аль-Махди, правивший десять лет. Его царствование запомнилось относительным миром внутри державы, покровительством наукам и литературе, а также усилением борьбы против зиндиков — так называли последователей манихейства и других учений, проникавших с востока и представлявшихся многим учёным того времени угрозой для чистоты вероучения. Аль-Махди учредил особую должность — «сахиб аз-занадика», чиновника, ответственного за преследование подобных ересей, что говорит о серьёзности, с которой Аббасиды защищали единобожие (таухид) как основу государства.

Аль-Махди также продолжил военное давление на Византийскую империю, организовав регулярные летние походы (сава'иф) в её пределы — традицию, которую унаследует и приумножит его сын, вошедший в историю как один из самых прославленных халифов ислама.

После краткого и малозначительного правления аль-Хади, сына аль-Махди, скончавшегося при не вполне ясных обстоятельствах в 786 году, престол перешёл к его брату Харуну — тому самому Харуну ар-Рашиду, чьё имя стало в памяти уммы и всего мира почти синонимом самого понятия «золотой век ислама».

Глава пятая. Харун ар-Рашид: вершина аббасидского могущества

1. Человек и халиф

Харун ар-Рашид, чьё правление продлилось с 786 по 809 год, вошёл в предания как образец халифа, соединившего в себе набожность и мирское величие, любовь к знанию и суровость правителя, щедрость и осторожность. Многие истории о нём, особенно те, что вошли позднее в сборник «Тысяча и одна ночь», окрашены вымыслом и не должны приниматься за достоверную историю — мы обязаны честно отделять предание от факта. Но даже отбросив легенды, мы видим в летописях образ правителя, ежегодно совершавшего хадж или возглавлявшего военный поход против Византии, чередуя год благочестивого паломничества с годом джихада на границе.

При его дворе Багдад достиг невиданного расцвета: по свидетельствам современников, в городе проживало по разным оценкам от нескольких сот тысяч до более чем миллиона жителей, что делало его крупнейшим городом мира того времени, затмевавшим и Константинополь, и любую столицу Западной Европы.

2. Семейство Бармакидов

Значительную часть правления Харуна фактическая власть в управлении державой находилась в руках семьи Бармакидов — персидского рода, восходившего, по преданию, к жрецам буддийского храма в Балхе, принявшего ислам и достигшего высочайших постов визирей. Яхья ибн Халид аль-Бармаки и его сыновья, в особенности Джафар аль-Бармаки, управляли делами халифата с большим искусством, покровительствовали переводчикам, врачам и поэтам, и немало способствовали тому культурному подъёму, который принято связывать с именем самого Харуна.

Но в 803 году произошло событие, вошедшее в историю как «падение Бармакидов» (накба аль-Баратика): внезапно и жестоко Харун приказал казнить Джафара аль-Бармаки, а остальных членов семьи заключить в темницу и конфисковать их огромные богатства. Причины этого поворота до конца не ясны — источники называют то тайную связь Джафара с сестрой халифа Аббасой, то опасения Харуна перед чрезмерным влиянием и богатством этого рода, то интриги завистливых придворных. Аллаху ведомо лучше об истинных причинах. Мы же обязаны отметить, что подобная резкая и кровавая расправа с некогда преданными слугами — печальная, но повторяющаяся черта нравов халифского двора, слишком часто напоминавшая обычаи персидских и византийских монархий больше, чем справедливость, заповеданную исламом.

4. Ночь падения Бармакидов

Хронисты, включая ат-Табари, сохранили подробный и по-своему драматичный рассказ о самой ночи, когда решилась судьба семьи Бармакидов, — рассказ, заслуживающий более подробного изложения. По этому преданию, Харун ар-Рашид, уже приняв тайное решение о расправе, ещё накануне вечером милостиво беседовал с Джафаром аль-Бармаки на пиру, ничем не выдавая своих истинных намерений, — деталь, которую позднейшие историки нередко приводят как пример того, сколь непроницаемым порой было для окружающих подлинное состояние души правителя, способного скрывать смертельный приговор за маской обычной благосклонности.

В ту же ночь, согласно преданию, Джафар был схвачен по прямому приказу халифа и казнён, а его тело, по одной из версий рассказа, было выставлено на всеобщее обозрение на багдадском мосту в течение нескольких месяцев — унижение, невыносимое по отношению к человеку столь высокого прежде положения и заслуг перед державой. Остальные члены семьи, включая престарелого Яхью ибн Халида, много лет фактически управлявшего делами халифата, были заключены в темницу, где Яхья и скончался спустя несколько лет, а огромные богатства Бармакидов были конфискованы в казну.

Причины столь внезапной и жестокой расправы, как мы уже отмечали, остаются предметом споров среди историков вплоть до наших дней: часть хронистов указывает на некое тайное недозволенное родство или связь между Джафаром и сестрой халифа Аббасой, часть — на банальную зависть и опасения перед чрезмерным богатством и влиянием этого рода, способного, как опасался, возможно, сам Харун, в конечном счёте затмить или даже низложить самого халифа. Мы, брат мой, не берёмся разрешить этот исторический спор с полной уверенностью, но должны ещё раз подчеркнуть то, что уже говорили: столь внезапная и жестокая расправа над многолетними, преданными слугами державы, какими бы ни были её истинные причины, остаётся тёмным пятном на правлении Харуна ар-Рашида, которое честный историк-мусульманин не вправе замалчивать ради одной лишь славы золотого века, обычно связываемой с его именем.

3. Держава между Востоком и Западом

При Харуне ар-Рашиде Аббасидский халифат поддерживал дипломатические сношения даже с далёким франкским королём Карлом Великим — предание об обмене посольствами и о подаренном франкскому владыке слоне по имени Абу-ль-Аббас (в честь основателя династии) сохранилось у западных хронистов и отражает истинное величие и протяжённость связей халифата того времени, от Атлантики до границ Китая.

Одновременно продолжалось противостояние с Византией: Харун лично возглавлял походы против императрицы Ирины, а затем против императора Никифора I, добиваясь выплаты дани и подтверждения границ. Эти походы служили не только военным, но и религиозным целям, укрепляя образ халифа как воина ислама (гази), продолжателя дела ранних завоеваний.

Харун ар-Рашид скончался в 809 году в городе Тус, на востоке державы, куда он направлялся для подавления восстания в Хорасане. Ещё при жизни он разделил державу между своими сыновьями — аль-Амином, которому достался Багдад и западная часть халифата, и аль-Мауном, получившим Хорасан и восток, — раздел, который, вопреки надеждам отца избежать раздора, приведёт вскоре к одной из самых кровавых междоусобных войн в истории Аббасидов.

4. Двор Харуна ар-Рашида подробнее

Стоит также сказать подробнее о самом придворном укладе жизни при Харуне ар-Рашиде, ибо именно эта эпоха задала образец, которому в той или иной мере подражали многие последующие мусульманские дворы. Церемониал приёма послов и подданных был выстроен с тщательно продуманной пышностью, призванной внушить почтение к сану халифа: посетитель проходил через анфиладу залов, каждый из которых был убран богаче предыдущего, прежде чем достигал самого тронного зала, где халиф восседал в окружении визирей, военачальников и придворных поэтов.

При дворе Харуна процветало искусство музыки: такие музыканты, как Ибрахим аль-Маусили и его сын Исхак аль-Маусили, пользовались огромным уважением и щедрым покровительством халифа, хотя вопрос о дозволенности музыки в исламе оставался и остаётся предметом богословских споров между различными школами и учёными — вопрос, который мы, следуя за многообразием мнений самих факихов, не берёмся здесь разрешать в ту или иную сторону окончательно, ограничиваясь лишь констатацией того, сколь заметное место музыкальное искусство в действительности занимало в придворной жизни той эпохи.

Что же касается упомянутого нами посольского обмена с франкским королём Карлом Великим, то, по свидетельству западных хронистов, в частности анонимного жизнеописания Карла, франкские послы, прибывшие в Багдад, были поражены великолепием халифского двора и щедростью даров, среди которых, помимо упомянутого слона по имени Абу-ль-Аббас, значились также драгоценные ткани, ароматические вещества, водяные часы искусной работы и другие диковины восточной роскоши, произведшие на европейцев того времени, привыкших к куда более скромному быту собственных дворов, поистине ошеломляющее впечатление.

При этом важно отметить, брат мой: столь пышный придворный быт требовал огромных расходов, которые ложились в конечном счёте на плечи податного населения державы, и некоторые более благочестивые современники и позднейшие историки не без основания видели в подобной роскоши семена того морального разложения верхов, о котором мы уже говорили в главе о причинах последующего упадка халифата, — тонкая грань между заслуженным величием религии и правителя, с одной стороны, и излишним, обременительным для подданных мотовством, с другой, которую многие правители, включая и самого Харуна ар-Рашида, порой переступали.

Глава шестая. Братоубийственная война аль-Амина и аль-Мамуна

1. Раздел, погубивший мир

Харун ар-Рашид, желая избежать раздора между сыновьями, составил завещание, скреплённое клятвами в самой Каабе в Мекке: аль-Амин, сын арабской жены-курайшитки Зубайды, получал Багдад и западную часть халифата и титул халифа; аль-Мамун, сын персидской наложницы, получал обширный и богатый Хорасан с широкой автономией и признавался наследником престола после брата. Замысел отца был мудр в теории, но, как слишком часто бывает в делах престолонаследия, оказался бессилён перед честолюбием и недоверием людей.

Едва аль-Амин утвердился в Багдаде в 809 году, между братьями началось скрытое, а затем и открытое противостояние. Аль-Амин, подстрекаемый придворными, попытался лишить аль-Мамуна прав наследования и назначить наследником собственного малолетнего сына. Аль-Мамун в Хорасане отказался это признать, и в 811 году между братьями началась война — одна из самых горьких страниц в истории уммы, ибо это была война не с неверными и не с внешним врагом, а между сыновьями одного отца за престол халифа правоверных.

2. Осада Багдада

Полководец аль-Мамуна, Тахир ибн аль-Хусейн, прозванный «Обоюдоруким» за одинаковое искусное владение обеими руками в бою, разгромил войска аль-Амина и в 812 году осадил сам Багдад. Осада длилась больше года и обернулась подлинным бедствием для Города Мира: районы города обстреливались катапультами, горели кварталы, гибли простые жители, не имевшие никакого отношения к распре братьев. Мы должны честно признать, брат мой: сам Багдад, чудо архитектуры и учёности, впервые в своей истории познал ужас войны от рук самих мусульман, ещё за четыре с половиной века до нашествия монголов.

В 813 году город пал, аль-Амин попытался бежать, но был схвачен и убит воинами Тахира — деяние, которое многие современники и позднейшие историки осудили как недопустимое царубийство, ведь аль-Амин, как ни суди о его правлении, оставался законным халифом и потомком Пророка. Аль-Мамун, узнав о смерти брата, по преданию, искренне скорбел и порицал излишнюю жестокость своих полководцев, но дело было сделано.

3. Аль-Мамун — халиф-философ

Абдуллах аль-Мамун правил долго, с 813 по 833 год, и вошёл в историю как один из самых образованных и любознательных правителей ислама, а вместе с тем — как правитель, чьи религиозные решения вызвали один из самых тяжёлых расколов в истории суннитской уммы, о котором мы расскажем ниже с полной откровенностью.

Первые годы его правления прошли в подавлении сопротивления в самом Багдаде, который поначалу не желал признавать халифом человека, пришедшего с востока с персидской и хорасанской свитой, и в успокоении державы после разрушительной гражданской войны. Постепенно аль-Мамун сумел утвердить свою власть и обратил свою неутомимую энергию на дела науки и веры.

4. Дом Мудрости и золотой век науки

При аль-Мамуне в Багдаде расцвело учреждение, начатое ещё при его предшественниках, но достигшее подлинного величия именно при нём — Байт аль-Хикма, «Дом Мудрости». Это было собрание библиотеки, обсерватории и школы переводчиков, куда стекались рукописи греческих, персидских и индийских учёных, переводимые на арабский язык такими мастерами, как Хунайн ибн Исхак, сириец-христианин, чьи переводы трудов Галена, Аристотеля и Евклида заложили основу для последующего расцвета арабо-мусульманской науки.

Именно в эту эпоху трудился Мухаммад ибн Муса аль-Хорезми, чьё имя дало миру слово «алгоритм», а его труд по решению уравнений — само слово «алгебра» (аль-джабр). Именно тогда в Багдаде велись наблюдения за звёздами, измерялась окружность земли с точностью, поражающей и сегодня, переводились и осмыслялись труды древних философов. Мы должны с гордостью и благодарностью Аллаху сказать: ни один народ того времени не сделал для сохранения и приумножения человеческого знания столько, сколько сделала умма Мухаммада, да благословит его Аллах и приветствует, в эти багдадские века. Наука не противоречила вере — величайшие врачи и математики того времени были одновременно и людьми глубокой набожности, видевшими в изучении творения путь к познанию Творца.

5. Михна — испытание сотворённости Корана

Но именно аль-Мамун повинен и в одном из самых тяжёлых потрясений в истории суннитского вероучения — в так называемой михне, «испытании». Под влиянием богословской школы мутазилитов, которые учили, среди прочего, что Коран, будучи Словом Аллаха, тем не менее сотворён (махлюк), а не совечен Аллаху, аль-Мамун в 833 году, незадолго до своей смерти, издал указ, обязывающий всех судей, учёных и мухаддисов (передатчиков хадисов) публично признать это учение под угрозой темницы, плети и лишения должности.

Для большинства мусульман-суннитов той эпохи, опиравшихся на понимание сподвижников и первых поколений (саляф), Коран есть несотворённое Слово Аллаха, и объявлять его сотворённым означало умалять само величие Всевышнего и Его атрибутов. Против этого насилия властей встал один человек, чьё имя навеки останется символом стойкости в вере — имам Ахмад ибн Ханбаль, да смилуется над ним Аллах. Брошенный в темницу, подвергаемый бичеванию, он отказался произнести то, что противоречило его убеждению об истине, и этим стойким сопротивлением, по милости Аллаха, в конечном счёте спас суннитское вероучение от насаждаемого сверху заблуждения.

6. Слова имама перед лицом темницы

Биографы имама Ахмада ибн Ханбалия, в частности его собственный сын Салих и позднейший составитель его жития Ибн аль-Джаузи, сохранили подробный рассказ о допросах, которым подвергался имам во время михны, — рассказ, заслуживающий того, чтобы привести его подробнее. Приведённый на допрос к халифскому наместнику в Багдаде, имам Ахмад, по этим свидетельствам, был спрошен напрямую: «Что ты скажешь о Коране?» — на что он неизменно отвечал: «Коран — Слово Аллаха», отказываясь добавить требуемое «сотворённое», сколько бы раз ни повторялся вопрос.

Когда увещевающие указывали ему на опасность, грозящую ему за подобное упорство — плеть, темницу, а возможно, и саму смерть, — имам Ахмад, по преданию, отвечал, что боится послушаться Аллаха куда больше, чем гнева любого земного правителя, и что если он, обладающий определённым авторитетом среди простых мусульман, уступит и признает навязываемое учение, то простой народ, не разбирающийся в тонкостях богословского спора, последует за ним в заблуждение, тогда как его стойкость, если Аллах того пожелает, удержит многих от подобной уступки.

После продолжительного заключения и, по ряду свидетельств, публичного бичевания, от которого имам Ахмад едва не скончался, он тем не менее не отступил от своих слов. Когда испытание, наконец, закончилось при аль-Мутаваккиле, толпы простых багдадцев, по свидетельству современников, вышли встречать освобождённого имама с почестями, воспринимая само его освобождение как торжество истины над насилием власти. Имам Ахмад ибн Ханбаль скончался в 855 году, и, по преданию, на его похороны в Багдаде собралось поистине огромное число людей — свидетельство того почёта, каким его стойкость в вопросах веры была вознаграждена в глазах всей уммы.

Михна продолжалась и при преемниках аль-Мамуна — аль-Мутасиме и аль-Васике — и была отменена лишь при халифе аль-Мутаваккиле в 848 году, о чём мы расскажем ниже. Этот эпизод — суровое напоминание всякому мусульманину о том, сколь опасно, когда мирская власть халифа вторгается в дела вероучения и пытается навязать умме то, на чём нет согласия учёных и понимания благочестивых предков. Величайшие правители могут ошибаться в вопросах веры не меньше, чем в вопросах политики, и долг искреннего верующего — держаться истины, даже когда против него сама власть.

6. Подробнее о переводческом движении

Стоит рассказать несколько подробнее о самом переводческом движении, о котором мы уже упомянули в связи с Домом Мудрости, ибо это был не единичный проект одного учреждения, а многовековое, широко распределённое по всему халифату дело, в которое было вовлечено множество учёных различных вероисповеданий. Помимо уже упомянутого Хунайна ибн Исхака, значительный вклад в перевод греческого научного и философского наследия внесли его сын Исхак ибн Хунайн, а также Сабит ибн Курра — сабиец из Харрана, переведивший труды по математике и астрономии, в частности сочинения Архимеда и Аполлония Пергского, оставшиеся в противном случае утраченными для последующих поколений, поскольку многие греческие оригиналы этих трудов впоследствии не сохранились и известны нам теперь лишь по арабским переводам той эпохи.

Финансирование этого грандиозного переводческого предприятия осуществлялось как самими халифами, так и состоятельными покровителями наук при дворе, в частности семьёй Бану Муса — тремя братьями, сыновьями бывшего разбойника с большой дороги, ставшими впоследствии выдающимися математиками и покровителями учёных, снаряжавшими за собственный счёт целые экспедиции в Византию для розыска и приобретения греческих рукописей, порой за огромные деньги, что свидетельствует о том, сколь высоко в эту эпоху ценилось знание само по себе, независимо от его практической выгоды.

Важно отметить, брат мой, что мусульманские учёные того времени не просто механически переводили и заимствовали греческое наследие, но критически его перерабатывали, исправляли обнаруженные ошибки, дополняли собственными наблюдениями и открытиями и лишь затем передавали это обогащённое знание дальше — в частности, через мусульманскую Испанию, оно впоследствии дошло и до христианской Европы, где в двенадцатом-тринадцатом веках началась встречная волна перевода уже арабских научных трудов на латынь, заложившая основу для последующего европейского Возрождения. Так труды багдадских переводчиков и учёных девятого века через много столетий и посредством многих промежуточных звеньев послужили, по милости Аллаха, на благо всего человечества, а не одной только уммы.

Глава седьмая. Аль-Мутасим, тюркская гвардия и Самарра

1. Новая опора трона

После аль-Мамуна в 833 году престол занял его брат Абу Исхак, известный как аль-Мутасим биЛях. Его правление примечательно прежде всего решением, последствия которого будут ощущаться в халифате столетиями: он начал в большом количестве набирать в свою личную гвардию тюркских воинов-мамлюков — рабов, привезённых или купленных в степях Центральной Азии и обученных военному делу с юных лет.

Замысел был по-своему разумен: аль-Мутасим желал иметь войско, преданное лично халифу, а не связанное узами родства и племенной солидарности с арабской и персидской знатью Багдада, чьё влияние и интриги причиняли трону немало хлопот. Но эта тюркская гвардия, чуждая местному населению по языку и обычаям, вскоре стала причинять столице новые беспокойства — стычки между тюркскими воинами и жителями Багдада участились настолько, что в 836 году аль-Мутасим принял решение перенести столицу из Багдада в новый город — Самарру, выстроенную выше по течению Тигра специально для размещения его гвардии в отдалении от беспокойной багдадской толпы.

Самарра оставалась столицей халифата около полувека, с 836 по 892 год, и превратилась в это время в один из крупнейших городов мира — с гигантской Соборной мечетью, чей спиральный минарет (Малуия) сохранился до наших дней как немой свидетель этой эпохи. Но, брат мой, за внешним великолепием Самарры скрывался опасный процесс: власть постепенно перетекала от халифа к военачальникам его же тюркской гвардии, которые, осознав свою силу, начали сами возводить и свергать халифов по собственной воле.

2. «Самаррская анархия»

После смерти аль-Мутасима и краткого правления аль-Васика, при котором михна ещё продолжалась, престол в 847 году занял аль-Мутаваккиль аль-Аллах — правитель, вошедший в историю ислама как восстановитель суннитской ортодоксии. Уже в первый год своего правления он отменил михну, освободил заключённых за отказ признать сотворённость Корана, вернул почёт имаму Ахмаду ибн Ханбалу и другим учёным-мухаддисам и объявил учение мутазилитов о сотворённости Корана более не обязательным для государственных должностей. Это решение было встречено с великой радостью большинством мусульман-суннитов по всему халифату, увидевших в нём торжество истины над навязанным сверху заблуждением.

Однако именно при аль-Мутаваккиле выявились и первые опасные плоды политики его отца: усилившаяся тюркская гвардия, почувствовав свою силу, в 861 году составила заговор и убила самого аль-Мутаваккиля руками его же приближённых, включая, по некоторым сведениям, его собственного сына аль-Мунтасира. Этот акт цареубийства открыл собой одну из самых мрачных страниц в истории Аббасидов, получившую у историков название «самаррская анархия» — десятилетие с 861 по 870 год, за которое на престоле сменилось четыре халифа, большинство из которых были возведены и низложены (а нередко и убиты) по воле собственной же гвардии, словно халиф стал игрушкой в руках военачальников, которым он сам некогда доверил свою защиту.

Этот период, брат мой, необходимо честно осмыслить: он показывает, к чему приводит правителя чрезмерная опора на наёмную силу, оторванную от народа и от корней самой уммы, силу, преданную не вере и не общему благу, а лишь собственной выгоде и жалованью. Урок самаррской анархии — один из первых больших предвестий той внутренней слабости, что в конечном счёте, спустя четыре столетия, откроет врата Багдада перед войском, пришедшим с востока.

Глава тридцать первая. Четыре несчастливых халифа Самарры

1. Аль-Мунтасир — отцеубийца поневоле

Мы уже упоминали вкратце о десятилетии «самаррской анархии», но обстоятельства этого мрачного времени заслуживают более подробного рассказа, ибо в них ясно видны все те пороки, что подтачивали державу изнутри. После убийства аль-Мутаваккиля в 861 году престол занял его сын аль-Мунтасир, которого многие хронисты прямо обвиняют в соучастии в заговоре против собственного отца — тяжелейший грех, немислимый, казалось бы, для наследника веры Пророка, но, увы, ставший возможным в атмосфере всеобщего разложения и борьбы клик за влияние на трон.

Аль-Мунтасир правил менее года и скончался при обстоятельствах, также вызывающих подозрение в отравлении — судьба, которая словно бы стала возмездием за грех, совершённый им против собственного отца. Аллах — лучший из судей, и участь аль-Мунтасира, скончавшегося вскоре после захвата власти, столь несправедно добытой, служит горьким назиданием для потомков.

2. Аль-Мустаин, аль-Мутааз и аль-Мухтади

После аль-Мунтасира тюркская гвардия возвела на престол аль-Мустаина, но вскоре часть той же гвардии, недовольная его правлением, низложила его и провозгласила халифом аль-Мутааз. Между сторонниками двух претендентов вспыхнула настоящая гражданская война в самом Багдаде и Самарре, завершившаяся низложением и вскоре смертью аль-Мустаина в 866 году.

Аль-Мутааз, в свою очередь, правил всего три года и в 869 году был свергнут и убит собственной же тюркской гвардией, недовольной задержками в выплате жалованья, — предельно циничная и горькая картина того, до какой степени институт халифата к этому времени зависел от прихотей наёмного войска, готового возводить и свергать повелителей правоверных ради собственного материального интереса. Его преемник аль-Мухтади, напротив, прославился личным благочестием и попыткой навести порядок в делах державы, за что заслужил уважение современников, но и он был свергнут и убит уже в следующем, 870 году, той же неуправляемой военной силой, что определяла судьбы халифов на протяжении всего этого десятилетия.

Лишь с приходом к власти аль-Мутамида в 870 году и, что важнее, благодаря энергичной деятельности его брата и фактического правителя аль-Муваффака — того самого полководца, что впоследствии подавит восстание занджей, о котором мы уже рассказывали, — держава начала медленно восстанавливать некоторое подобие порядка. Но, брат мой, десятилетие «самаррской анархии» оставило неизгладимый след в памяти уммы: оно наглядно показало, сколь хрупким может оказаться самое могущественное государство, если войско, призванное защищать его, само становится источником беззакония и произвола.

Глава девятнадцатая. Восстание занджей и смута карматов

1. Восстание занджей

Одним из самых тяжёлых внутренних потрясений, постигших халифат в разгар самаррской анархии, стало восстание занджей — так называли чернокожих рабов, преимущественно восточноафриканского происхождения, трудившихся в тяжелейших условиях на осушении засоленных земель и очистке их от селитры в окрестностях Басры на юге Ирака. В 869 году эти доведённые до отчаяния люди подняли восстание под предводительством Али ибн Мухаммада, объявившего себя потомком рода Пророка и обещавшего восставшим свободу и справедливость.

Восстание охватило огромные территории южного Ирака, повстанцы взяли и разграбили сам город Басру в 871 году, создали собственное государство, просуществовавшее почти пятнадцать лет и представлявшее серьёзную угрозу самому существованию халифата, ослабленного в это время внутренними распрями в Самарре. Лишь к 883 году, после долгой и кровопролитной войны, аббасидским войскам под командованием способного военачальника аль-Муваффака удалось разгромить последние оплоты восставших и восстановить контроль над южным Ираком.

4. Слова предводителя восставших

Хронист ат-Табари, чей труд остаётся главным источником сведений об этом восстании, приводит немало подробностей о речах и посланиях предводителя занджей Али ибн Мухаммада, обращённых к своим последователям и к противостоявшим ему аббасидским военачальникам. В одном из таких посланий, адресованном осаждённым жителям Басры, предводитель восставших, по свидетельству ат-Табари, обещал пощаду тем, кто добровольно откроет ему ворота города, и суровую кару тем, кто окажет сопротивление, — риторика, характерная для многих подобных восстаний той эпохи, сочетавшая обещания справедливости для угнетённых с прямыми угрозами в адрес несогласных.

Аббасидский полководец аль-Муваффах, о котором мы уже рассказывали, в свою очередь, по сообщению того же ат-Табари, в посланиях к восставшим невольникам призывал их одуматься и вернуться к повиновению законной власти, обещая амнистию рядовым участникам восстания, если те откажутся от дальнейшего сопротивления и выдадут своих предводителей, — политика кнута и пряника, в конечном счёте способствовавшая постепенному распаду сил восставших по мере того, как затягивалась и без того тяжёлая для обеих сторон многолетняя война.

Мы должны, брат мой, признать сложность и неоднозначность нравственной оценки этого восстания: с одной стороны, жестокости, чинимые восставшими невольниками над мирным населением захваченных городов, о которых также сообщают хронисты, не могут быть оправданы никакой прежней несправедливостью; с другой стороны, сами условия подневольного труда, толкнувшие этих людей на восстание, также представляли собой нарушение исламских норм обращения с невольниками, о чём мы уже говорили. История восстания занджей учит нас, что затянувшаяся несправедливость по отношению к любой группе людей, сколь бы низким ни было их положение в глазах общества, рано или поздно порождает ответное насилие, губительное для всех сторон конфликта, — урок, актуальный далеко не только для той далёкой эпохи.

Восстание занджей, брат мой, при всей жестокости, проявленной обеими сторонами в ходе этой войны, заставляет нас честно задуматься о том, в какой мере условия труда и обращение с невольниками в некоторых частях халифата в действительности соответствовали тем строгим нормам исламского права, которые предписывают обращаться с рабами милосердно, кормить их той же пищей, что и себя, и облегчать им путь к свободе. Там, где эти нормы нарушались корыстью землевладельцев, накапливался гнев, который рано или поздно прорывался наружу с разрушительной силой.

2. Карматы и похищение Чёрного камня

Иным по своей природе, но не менее опасным для единства уммы стало движение карматов — ответвление исмаилитского шиизма, основанное Хамданом Кармата в конце девятого века и распространившееся особенно широко среди бедуинских племён Бахрейна и восточной Аравии. Карматы создали собственное государство и проповедовали учения, которые большинство суннитских и даже многие шиитские учёные того времени считали выходящими за пределы ислама вообще.

Самым потрясшим весь мусульманский мир деянием карматов стало нападение на Мекку во время хаджа в 930 году, когда их предводитель Абу Тахир аль-Джаннаби учинил в святом городе резню паломников и, что вызвало наибольший ужас у мусульман всех толков, увёз из Мекки священный Чёрный камень (аль-Хаджар аль-Асвад) — с места его нахождения в Каабе. Камень оставался в руках карматов более двадцати лет и был возвращён на своё место в Каабе лишь в 951 году, причём, по преданию, в изрядно повреждённом виде.

Эти события произвели на всю умму глубочайшее потрясение и явились ещё одним горьким свидетельством того, до какой степени раздор и внутренняя смута, охватившая мусульманский мир в десятом веке, ослабили саму способность халифата защищать даже самые священные для всех мусульман места. Аббасидский халиф, лишённый в это время реальной военной силы, не смог ни предотвратить это святотатство, ни быстро добиться возвращения святыни — красноречивое свидетельство глубины упадка центральной власти в эту эпоху.

Глава двадцать пятая. Забытые халифы: между анархией Самарры и приходом Буидов

1. Аль-Мутаид и краткое возрождение

После окончания «самаррской анархии» и возвращения столицы в Багдад держава пережила период относительного укрепления центральной власти при халифе аль-Мутаиде, правившем с 892 по 902 год. Этот энергичный правитель сумел восстановить военную и финансовую дисциплину, подавить ряд местных мятежей и на время вернуть халифату часть его прежнего международного веса — эпизод, часто именуемый историками «вторым расцветом» Аббасидов, хотя и несравнимо более скромным, нежели времена Харуна ар-Рашида.

Его сын и преемник аль-Муктафи, правивший с 902 по 908 год, продолжил эту политику укрепления, в частности покончив с государством Тулунидов в Египте и на время вернув эту богатую провинцию под непосредственное управление Багдада.

2. Аль-Муктадир и истощение казны

Однако наиболее продолжительное правление этого периода — халифа аль-Муктадира, занимавшего престол с 908 по 932 год почти без перерыва, если не считать двух кратких низложений, — ознаменовалось, к сожалению, обратным процессом: расточительностью двора, придворными интригами многочисленных временщиков-визирей, сменявших друг друга едва ли не ежегодно, и катастрофическим истощением государственной казны, вынуждавшим правительство прибегать к чрезвычайным поборам и раздаче должностей на откуп, что лишь усугубляло финансовое расстройство державы.

Именно в правление аль-Муктадира произошло уже упомянутое нами разграбление Мекки карматами в 930 году — событие, которое сам халиф, поглощённый придворными интригами и финансовыми затруднениями, оказался не в состоянии ни предотвратить, ни быстро отомстить за него. Аль-Муктадир был в конце концов свергнут и убит в 932 году в результате очередного дворцового переворота — судьба, которая, увы, постигла в этот беспокойный век далеко не одного аббасидского халифа.

3. Аль-Кахир, ар-Ради и рождение титула «амир аль-умара»

Его брат и преемник аль-Кахир правил недолго и жестоко, был низложен и ослеплён — участь, которая в последующие десятилетия станет печально частой для низложенных халифов этой эпохи. Пришедший ему на смену халиф ар-Ради, правивший с 934 по 940 год, вошёл в историю как последний из аббасидских халифов, обладавший хотя бы видимостью самостоятельной политической власти: именно при нём, ввиду полного истощения казны и неспособности центрального правительства собирать налоги, был введён титул «амир аль-умара» («эмир над эмирами»), переданный военачальнику Ибн Раику, — титул, который, как мы уже видели на страницах этой книги, вскоре перешёл к персидским эмирам из рода Буидов, окончательно превратив халифа в носителя чисто духовного, а не политического главенства.

Так, шаг за шагом, на протяжении десятилетий, предшествовавших приходу Буидов в 945 году, реальная власть Аббасидских халифов таяла — не в результате единой катастрофы, а вследствие долгого, постепенного истощения казны, придворных интриг, частой смены ничёмных визирей и неспособности справиться с внутренними и внешними вызовами. Этот медленный, почти незаметный современникам упадок, брат мой, часто оказывается опаснее внезапного удара — ибо привыкание к постепенно ухудшающемуся положению дел усыпляет бдительность и мешает вовремя осознать всю глубину надвигающейся опасности, урок, который стоит помнить не только применительно к делам минувших веков.

Глава восьмая. Тень над престолом: господство Буидов

1. Распад единства

Десятое столетие от Рождества Христова стало для Аббасидского халифата временем стремительного распада той огромной единой державы, что некогда простиралась от Атлантики до Инда. Уже в конце девятого века отделился Египет под властью Тулунидов, а затем Ихшидидов; Северная Африка почти полностью вышла из повиновения Багдаду; в Испании продолжал независимо править Кордовский эмират потомков Омейядов, правитель которого в 929 году и вовсе принял титул халифа, тем самым бросив прямой вызов единству уммы под одним халифатом. На востоке усиливались персидские династии Саманидов и других родов, признававших власть Багдада лишь номинально.

Ещё более тяжёлый удар был нанесён изнутри самого исламского мира шиитской ветвью исмаилитов: в 909 году в Северной Африке была провозглашена держава Фатимидов, чьи правители открыто объявили себя халифами — законными имамами уммы, в противовес Аббасидам, — что привело к беспрецедентному положению, когда в мире одновременно существовало три враждующих между собою «халифата»: аббасидский суннитский в Багдаде, фатимидский исмаилитский в Каире и омейядский в Кордове.

В самом Ираке к середине десятого века центральная власть аббасидских халифов настолько ослабла, что в 945 году в Багдад вошли войска персидской династии Буидов (Бувайхидов) — рода из Дайлама на южном берегу Каспия, исповедовавшего шиизм зейдитского толка. Буидский эмир Муизз ад-Даула принял титул «амир аль-умара» — «эмир эмиров» — и с этого момента халиф в Багдаде стал в полном смысле слова пленником в собственном дворце: сохраняя формальный титул и духовный авторитет как потомок Аббаса, он лишился какой-либо реальной политической и военной власти, которая полностью перешла к буидским эмирам.

2. Халиф без власти

Более столетия, с 945 по 1055 год, Аббасидские халифы правили лишь по имени. Их жалование и содержание назначались Буидами, порой весьма скудно; некоторые халифы этого периода подвергались ослеплению или низложению по прихоти эмиров — так, халиф аль-Мустакфи был ослеплён в 946 году сразу же после того, как Буиды закрепились у власти, а другие правители жили под постоянной угрозой. Пятничная хутба (проповедь) продолжала произноситься с именем аббасидского халифа по всему суннитскому миру, и в этом смысле духовное единство уммы формально сохранялось, но реальная власть, брат мой, окончательно отделилась от халифского титула — урок, который стоит запомнить: почёт и звание без силы и справедливого правления есть лишь пустая оболочка.

При этом важно отметить, что Буиды, будучи шиитами, тем не менее не решились упразднить аббасидский суннитский халифат как таковой — слишком глубоко он был укоренён в сознании большинства населения Ирака и всего мусульманского мира. Это *show* само по себе свидетельствует о том непреходящем символическом и религиозном значении, которое сан халифа сохранял в глазах уммы, даже будучи лишён подлинной власти.

Именно в эту эпоху унижения халифской власти в разных концах исламского мира продолжали, тем не менее, трудиться великие учёные и мыслители — достаточно вспомнить врача и философа Ибн Сину (известного на Западе как Авиценна), математика и физика Ибн аль-Хайсама, заложившего основы современной оптики, и многих других, чьи труды продолжали прославлять умму даже в годы политического упадка её халифов. Так Аллах показывает нам, что свет знания и веры не гаснет полностью даже тогда, когда меркнет политическое могущество.

Глава девятая. Приход турок-сельджуков и восстановление суннитского порядка

1. Тугрил-бек входит в Багдад

Спасение суннитского халифата от шиитского засилья Буидов пришло с неожиданной стороны — от кочевых тюркских племён огузов, принявших ислам и объединившихся под властью рода Сельджукидов. Под предводительством Тугрил-бека сельджуки, разгромив войска Газневидов и других соперников, стремительно продвинулись из степей Центральной Азии через Хорасан и Персию к самому сердцу халифата.

В 1055 году Тугрил-бек торжественно вступил в Багдад, положив конец власти Буидов. Аббасидский халиф аль-Каим биАмриЛях, обрадованный избавлением от шиитской опеки, торжественно провозгласил Тугрил-бека султаном — новым правителем от имени халифа, защитником и мечом суннитского ислама. Так родилась формула, которая станет типичной для последующих веков истории халифата: халиф — духовный и символический глава уммы, источник легитимности; султан — реальный носитель военной и политической власти, действующий формально от имени халифа. Это разделение духовной и мирской власти, брат мой, при всей своей практической целесообразности, ещё больше отдаляло реальное управление от собственно халифского института.

2. Низам аль-Мульк и расцвет суннитской учёности

Подлинным зодчим сельджукского государства и, без преувеличения, одним из величайших государственных умов всей мусульманской истории стал визирь Низам аль-Мульк, служивший султанам Алп-Арслану и Мелик-шаху. Именно по его инициативе в крупнейших городах халифата — Багдаде, Нишапуре, Исфахане и других — были основаны знаменитые Низамийские медресе (ан-Низамийя), учебные заведения, дававшие систематическое образование в шариатских науках, арабском языке, богословии и других дисциплинах и ставшие прообразом для всей последующей системы исламского религиозного образования.

Именно в багдадском Низамийском медресе некоторое время преподавал имам Абу Хамид аль-Газали, чьи труды, в особенности «Воскрешение религиозных наук» (Ихья улюм ад-дин), оказали огромное влияние на последующее развитие суннитского богословия, суфизма и этики и по праву считаются одной из вершин исламской мысли. Эпоха Низама аль-Мулька показывает нам, что даже в условиях, когда реальная политическая власть халифа была ограничена властью султанов, умма могла переживать подлинный расцвет учёности и духовности — ибо благо уммы не сводится к одной лишь политической силе её правителей.

Низам аль-Мульк был убит в 1092 году агентом секты ассасинов-низаритов — ответвления исмаилитов, обосновавшегося в неприступных горных крепостях Аламута под предводительством Хасана ас-Саббаха, — и это убийство стало одним из первых грозных предвестий той внутренней смуты и раздробленности, что охватит сельджукскую державу после смерти султана Мелик-шаха в том же 1092 году, когда единое сельджукское государство начало распадаться на враждующие между собой уделы — Сельджукидов Рума (Малой Азии), Сирии, Кирмана и других земель.

Глава тридцать вторая. Век Буидов: между шиизмом эмиров и суннизмом халифов

1. Адуд ад-Дауля — вершина буидского могущества

Наиболее выдающимся из правителей буидской династии по праву считается эмир Адуд ад-Дауля, правивший во второй половине десятого века и на время объединивший под своей властью почти весь Ирак и значительную часть Персии. Адуд ад-Дауля, при всей своей шиитской вере, проявлял значительную веротерпимость к суннитскому большинству населения Багдада и продолжал сохранять формальное почтение к аббасидскому халифу, добиваясь от него, впрочем, всё новых почётных титулов для утверждения собственного величия — практика, ставшая обычной для честолюбивых правителей этой эпохи упадка халифской власти.

При его дворе в Ширазе и Багдаде продолжали трудиться выдающиеся учёные и врачи, включая знаменитого впоследствии Ибн Сину, начинавшего свою карьеру именно при дворах правителей, связанных с буидской традицией покровительства наукам. Адуд ад-Дауля прославился и своими масштабными строительными начинаниями — плотинами, больницами, каналами — свидетельствующими о том, что даже в условиях политической раздробленности отдельные правители могли являть образцы рачительного и просвещённого управления своими владениями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.